

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЯЗЫКА: МОНО-, ДИА- И ПОЛИЛОГ В РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКАХ,
ВЕКАХ И КУЛЬТУРАХ»
(Москва, 26–28 мая 2008 г.)**

26–28 мая 2008 г. в Институте языкознания РАН (Москва) состоялась международная конференция «Логический анализ языка: моно-, диа- и полилог в различных языках, веках и культурах». В конференции приняли участие более 50 докладчиков из России, Украины, Белоруссии, Испании, Австрии, США, Китая. Во вступительном слове бесценный организатор конференций этой серии (их состоялось уже более 20) член-корреспондент РАН Н.Д. Арутюнова отметила, что, хотя слово «диалог» на самом деле не обозначает разговора именно двух собеседников, оно часто именно так воспринимается, и поэтому термин «полилог» правомерен. Следует отметить, что в большинстве докладов, представленных на конференции, диалог понимался исключительно широко, и диалогу в привычном смысле этого слова было уделено, возможно, меньше внимания, чем можно было ожидать.

Первое пленарное заседание «Диалог в духовном мире» было посвящено нестандартным диалогическим формам. В докладе Е.М. Верещагина «Несказанное, неизреченное и неизглаголанное. Рече-поведенческие тактики сообщения о непознаваемом» рассматривалась проблема речевого сообщения о непостижимом для человеческого разума, много обсуждаемая и в богословии; привлекались тексты, связанные с сюжетом Благовещения: Благовещенское минейное послание, Благовещенский кондак Романа Сладкопевца, Благовещенская гомилия Иоанна Златоуста (греческие тексты и славянские переводы). Докладчик отметил, что и в том случае, когда непостижимое постигнуто, оно не может быть выражено, однако в текстах оно все же представлено через формы языка, хотя и в отрицательной модальности. Доклад В.И. Постоваловой «Сокровенный диалог в духовной практике священно-безмолвия» касался исихазма. В исихазме молчание человека, близкого к святости, приравнивается к молитве, понимаемой как беседа определенного рода, т.е. беседа с Богом. Исихаст, пребывающий в миру, внешне общаясь с людьми, внутренне неизменно обращен к Богу. В докладе Е.Б. Яковенко «Говорил я с сердцем моим... (О семанических переносах и дуализации субъекта в библейских текстах)» рассматривались такие типы высказываний, как обращения к неодушевленным предметам, слова, приписываемые неодушевленным объектам, обращения человека к своему сердцу, душе и т.п., и была прослежена в общих чертах эволюция этих форм в русской поэзии. Е.Г. Драгалина-Черная в своем докладе «Интерпретация как диалог: от Ч.Пирса к теоретико-игровой семантике» обратилась к диалогич-

ческим моделям в логике: алгебраической и диаграмматической логике Пирса, теоретико-игровой семантике Хинтикки, *IF* (Independence-Friendly) логике. Исходной точкой послужила идея Аристотеля о диалогической природе рассуждения. При рассуждении один человек как бы выступает в двух ролях: в роли «обучающего» и в роли «вопрошающего» (своего рода «злого гения»), который пытается выдвинуть все возможные возражения, довести тезис до абсурда.

На заседании секции «Полифония в художественных текстах» прозвучал доклад Д.О. Добровольского и Е.В. Падучевой «Высказывания от первого лица: семантика и прагматика», в котором рассматривалась специфика функционирования различных языковых единиц в высказываниях от первого лица (как, например, *не мое дело vs не твое дело*) и была отмечена необходимость учета этого фактора в лексикографическом описании. Несколько докладов той же секции были посвящены текстам Ф.М. Достоевского в продолжение идей М. Бахтина. М.Ю. Михеев в докладе «Полифония, диалогичность сознания и многоголосье в “Преступлении и наказании”» остановился, в частности, на таком приеме, как цитата с намеренной деформацией и декомпозицией первоначального смысла, что связано со сменой эмпатии. Как было отмечено в докладе О. Меерсон (Гайана, г. Джоржтаун), «Чужое слово как слово диалога в монологе и его анализ в западной бахтинистике и постбахтинистике», в диалогах у Достоевского граница между точками зрения часто проходит внутри реплики. Также необходимо иметь в виду, что в художественном тексте настоящим адресатом является читатель; ряд диалогов, в том числе внутренних, рассматриваются некоторыми исследователями как по сути диалоги между Достоевским и читателем. И.Ф. Рагозина (Дубна) в докладе «Судят Дмитрия Карамазова: речь защитника как диалог в монологе» представила логическую схему аргументации в речи адвоката в романе, построенную на контрверсиях к версиям прокурора.

На секции «Специфика диалога в разных языках» прозвучали, в частности, доклады А.О. Казакевич «Диалог в селькупских, кетских и эвенкийских нарративах», А.Э. Левицкого (Киев) «Русские и английские идиоматические выражения как ответные реплики в диалогическом дискурсе», Т.В. Михайловой «Презенс диалога в эпическом нарративе», посвященный употреблению временных форм в диалогических фрагментах ирландских саг. В.В. Морозов (Дубна) выступил с докладом «Проблема интерпретации модальных значений при переходе прямой речи в косвенную в английском языке» и продемонстрировал неоднозначность ряда глагольных форм в английской косвенной речи и невозможность однозначного восстановления их коррелятов в исходной прямой речи. В завершающем докладе Д.О. Добровольского и И.Б. Левонтиной «Диалогические частицы: русско-немецкие соответствия» сопоставлялись, в частности, немецкая частица *doch* и русская *же*.

На секции «Эстетический аспект диалога» был представлен ряд докладов, связанных с художественными текстами различных авторов. Большинство докладов вызвали оживленное обсуждение, которое продолжалось и после окончания работы секции. Заседание открылось докладом А.Г. Грек «Об “архаичной диалогичности” стихотворений-дифирамбов у Вяч. Иванова». В докладе Н.В. Изотовой (Ростов-на-Дону) «О своеобразии диалогических структур в прозе А.П. Чехова» были продемонстрированы многие яркие формы и приемы представления диалога, впервые появившиеся у Чехова и впоследствии широко распространившиеся в русской литературе XX в. В докладе И.А. Тарасовой и И.Ю. Ивановиной (Саратов) «Эволюция диалогических тактик русской лирики» рассматривались образы адресата в лирике старших символистов и футуристов. Е. Я. Шмелева в докладе «Русский анекдот: диалог “парных” персонажей» представила в типологическом аспекте парных персонажей русских анекдотов-диалогов (Чапаев и Петька, Шерлок Холмс и доктор Ватсон, поручик Ржевский и Наташа Ростова, Винни-Пух и Пятачок, крокодил Гена и Чебурашка). С.Ю. Семенова в докладе «Семейная хроника как монолог» отметила, что и при монологической форме автор неизбежно представляет себе адресата, на которого ориентирует повествование и выбор языковых средств.

На секции «Диалог в истории и современности» разброс тем докладов был исключительно широк. И.А. Абиева (Санкт-Петербург) в докладе «Онтологические характеристики коммуникативного взаимодействия (биосемантический аспект)», обращаясь к данным биологии и даже микробиологии, пришла к выводу (который был поддержан другими участниками секции), что между человеческим языком и коммуникативными системами других представителей живой природы нет непроходимой границы. В докладе Л.Л. Федоровой «Диалог воли и мнений (о внутренней структуре речевого взаимодействия)» на материале пьесы Г. Горина «Кин IV» были продемонстрированы речевые стратегии и тактики в структурах диалогов, воплощающих различные виды речевого взаимодействия: стычка, выяснение позиций, торг, знакомство, ультиматум. В.А. Найшуль и С.В. Чебанов в докладе «Неэмпирическая прагматика языка недобровольного сотрудничества людей» обратились к социальным аспектам темы применительно к современному российскому обществу. Докладчики – не профессиональные лингвисты, их деятельность связана с органами власти и кругами, близкими к президенту РФ. С их точки зрения, усвоение российскими гражданами новых правовых принципов затрудняется неприспособленностью русского языка для выражения соответствующих понятий; особенно докладчиков удручало отсутствие адекватного перевода преамбулы к американской конституции. Многие идеи доклада с точки зрения лингвиста совершенно наивны: в частности, авторы сетовали на тот факт, что в русском языке заимство-

ванные слова часто значат не совсем то же самое, что в исходном языке; не подозревая об универсальности этого явления, докладчики восприняли его как чисто русский изъян; также они были уверены, что отмеченные в докладе проблемы связаны исключительно с социальной и экономической сферой, тогда как перевод художественной литературы представлялся им давно и успешно решенной задачей. В качестве главного оппонента, а в большей степени просветителя докладчиков, выступила И.Б. Левонтина. Доклад и его обсуждение наглядно показали, что лингвистические знания необходимы не только лингвистам.

Е.Л. Григорьян (Ростов-на-Дону) в докладе «Скрытая диалогичность нарратива и синтаксические структуры» отметила, что в художественных текстах XIX–XX вв. внешне монологическое повествование может неявным образом чередовать или совмещать в изображении реальности видение различных наблюдателей (рассказчика/автора и персонажей), что на языковом уровне может выражаться не только такими общеизвестными средствами, как дейктические показатели и подбор характерной лексики, но также с помощью определенных синтаксических структур, в частности деагентивных конструкций. В докладе Н.Н. Запольской «Диалог в славянских филологических трактатах XVI–XVIII веков» рассматривались два типа филологических сочинений в форме диалогов – «Вопросы учительские и ответы ученические» и «Вопросы ученические и ответы учительские»; обе формы содержали одну и ту же информацию и соответствовали разным уровням обучения. Кроме того, в грамматических сочинениях данного периода различалась речь «молельная» и «поведательная», связанные, соответственно, с сакральной и секулярной сферами, и нормы употребления вариантных грамматических форм, церковнославянских или собственно русских увязывались с типом речи («о Боге *бляше*, о человеке *бысть*»). Эта тенденция характерна в первую очередь для Юго-Западной Руси и областей, близких к Великому княжеству Литовскому, где поддержка чистоты языка связывалась с защитой чистоты веры.

Программу заключительного пленарного заседания открыл С.В. Кодзасов докладом «Дискурсивные техники отрицания, возражения и конфликта в русском языке», в котором рассматривались артикуляционные жесты, связанные с коммуникативными функциями (сюсюканье, выражение угрозы и т.п.). Основная часть доклада Н.Б. Мечковской (Минск) «Речевое общение в жизни, в романе и драме: коммуникативные варианты и семантические метаморфозы (на материале романов и пьес М. Булгакова)» была посвящена сопоставлению прямой речи персонажей в связанных между собой прозаических и драматургических произведениях М. Булгакова: «Белая гвардия» и «Дни Турбиных», «Жизнь господина де Мольера» и «Кабала святош». Сопоставлялась статистика реплик по типам речевых актов в романе и пьесе, и было отмечено, что иллокутив-

ная структура коммуникативных партий персонажей и коммуникативная структура всего произведения в гораздо большей степени обусловлены фактором жанра, нежели всеми остальными (сюжетом, характерами персонажей и т.д.).

К.Г. Красухин в докладе «Диалог и рассказ: заметки на полях Г. Вайриха» представил развернутый анализ употребления глагольных форм в диалогах у Гомера. М.А. Дмитровская (Калининград) в докладе «Имя Ему – Слово Божие (криптограмматичность письма в романе В. Набокова “Защита Лужина”» представила свой вариант дешифровки набокковского текста. Хотя предложенная интерпретация была логически последовательной и аргументированной в каждой детали, чувствовалось все большее сомнение и недоверие со стороны слушателей по причине исключительной изоционности предложенного анализа. Был задан вопрос, мог ли автор рассчитывать, что найдется читатель, способный это разгадать. Докладчица высказала соображение, что для Набокова это было неважно, вся эта немыслимая игра была предназначена в первую очередь для себя: ему было неинтересно *просто* писать роман.

Завершил программу конференции доклад Т.Е. Янко «Типология обращений», который содержал много новых и ярких наблюдений. Так, в двухкомпонентных обращениях при близком расстоянии между говорящим и адресатом акцентоносителем становится первое слово, причем ударный гласный произносится кратко, а при большей дистанции акцентоносителем является последний компонент, при этом ударный гласный удлиняется. Это положение было проиллюстрировано аудиозаписями из фильмов: «Виктор *Ива́ныч!*» – кричит герой фильма вслед человеку, которого догоняет; «*Ви́ктор* Иваныч!» – обращается он же, когда догнал. Кроме того, в докладе было отмечено, что способность использоваться в качестве обращения является характеристикой слова и должна указываться в словарях (например, *доктор* в отличие от *врач*). В заключение конференции С.Е. Никитина исполнила два русских духовных стиха-диалога.

К сожалению, невозможно в кратком информационном сообщении хотя бы упомянуть все интересное из того, что прозвучало за три дня на заседаниях, но это будет восполнено выходом сборника из серии «Логический анализ» с материалами конференции (ориентировочно в 2010 г.).

Е.Л. Григорьян